

УДК 167:316.4

**УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ОБЪЕКТ:
ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Головашина О.В.

В статье автор призывает обратить внимание на необходимость исследования региональных аспектов исторической памяти. Опираясь на конструктивистскую трактовку исторической памяти, автор анализирует, какие факторы привели к текущей ситуации: высокая степень централизации системы гуманитарного и социального образования, централизация в сфере медиа, отсутствие или слабое влияние местных институтов трансляции исторической памяти, низкий социальный запрос на региональный контент о прошлом. Автор предлагает поменять оптику исследования региональной истории, отказавшись от установок условного «краеведения», с позиции которого регион предстает одним из «краев» государства. Для этого необходимо развивать региональный туризм и брендинг отдельных территорий, повышать узнаваемость визуальных образов, связанных со спецификой региона, использовать ресурсы семейной памяти.

Ключевые слова: историческая память, локальная память, региональная память, наследие, семейная память.

**THE ELUSIVE OBJECT:
THE STUDY OF REGIONAL HISTORICAL MEMORY
IN MODERN RUSSIAN STUDIES**

Golovashina O.V.

In the article the author pays attention to the need of studying the regional aspects of historical memory. Based on the constructivist interpretation of historical memory, the author analyses which factors led to the current situation: a high degree of centralization of the system of humanitarian and social education; centralization in the media; the absence or weak influence of local institutions of historical memory

broadcasting; low social demand for regional content about the past. The author proposes to change the optics of the study of regional history, abandoning the installations of conditional “local history”, from the position of which the region appears as one of the “edges” of the state. To do this, it is necessary to develop regional tourism and branding of individual territories, increase the recognition of visual images associated with the specifics of the region, and use the resources of family memory.

Keywords: historical memory, local memory, regional memory, heritage, family memory.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ и ЭИСИ № 21-011-31153.

Концептуализируя на основе идей Э. Дюркгейма коллективную память, М. Хальбвакс подчеркивал, что может существовать только память отдельных групп, а не государства или всего человечества [16, с. 165, 178]. Однако анализ современных публикаций показывает, что локальная память, как правило, остается за пределами внимания российских ученых. Безусловно, интересные и ценные для различных дисциплин *memory studies* работы посвящены акторам и институтам, отвечающим за трансляцию прошлого, государственной стратегии политики памяти, теоретическим основам исследовательской оптики и категоризации понятийного аппарата, образов прошлого и конкретных исторических событий в социальной памяти и так далее. Может возникнуть впечатление, что исследователи, вопреки заветам Хальбвакса, ссылки на которого практически обязательны в научных статьях, раскрывающих какой-либо аспект *memory studies*, готовы заниматься памятью «российского общества», оставив за скобками признаваемые различия между историческими, также влияющими на восприятие прошлого, географическими, социально-экономическими, этническими особенностями регионов Российской Федерации. В предлагаемой статье мы рассмотрим, какие обстоятельства могли

привести к подобной ситуации, а также предложим некоторые возможные направления, развитие которых будет, на наш взгляд, способствовать исследованию локальной памяти.

Мы рассматриваем историческую память с позиции конструктивистской парадигмы в определении П. Бергера и Лукмана. В соответствии с этой парадигмой определенные смыслы, через которые воспринимается, и с помощью которых осмысляется социальная реальность, превращаются в объективные социальные структуры и принимаются в качестве таковых [см.: 1]. Теоретико-методологическая база наших рассуждений связана с работами П. Бурдьё, который предложил рассматривать социальное поле через оптику концепции символической борьбы [2, с. 189], то есть, конкуренции и взаимодействия различных видов капитала. В наших выводах мы также опирались на проанализированные кейсы, связанные с анализом некоторых региональных политик памяти [13; 19] или брендинга территорий [17].

С опорой на данную теоретико-методологическую базу, далее мы рассмотрим, какие факторы привели к современным проблемам региональной памяти.

Во-первых, для системы гуманитарного и социального образования и все еще связанной с ней системой научной деятельности, характерна высокая степень централизации. Федеральные государственные стандарты (ФГОС) способствуют тому, чтобы школьник из любого региона мог продолжить учебу в любой другой российской школе, однако централизация подавляет развитие тех особенностей, которые могли бы отличать один регион от другого. Конечно, в образовательных стандартах заложен региональный аспект, присутствует много отсылок к региональной специфике и необходимости учета «региональных, национальных и этнокультурных потребностей народов Российской Федерации». Например, ФГОС среднего общего образования направлен на обеспечение: «формирования российской гражданской, этнической и социальной идентичности»; «сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской

Федерации, реализации права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России». Данным стандартом также предусмотрено «воспитание ценностного отношения к родному языку как носителю культуры своего народа» [14]. Однако, как правило, требования ФГОСа не реализуются на должном уровне из-за нехватки учебных часов, соответствующей учебной и методической литературы, специалистов. Даже если в регионе есть учебники краеведения (в менее половине российских регионов), содержание занятий повторяет заложенную федеральными стандартами схему, а сам контент посвящен тому, что регион сделал для развития страны [см.: 4].

Во-вторых, также мы говорим о централизации в сфере медиа, следствием чего оказывается ситуация, что даже наличие регионального контента о прошлом не позволяет его рассматривать как проявление региональной идентичности. Проясним этот тезис. Конечно, во всех регионах продолжают выходить местные газеты, есть соответствующие телевизионные каналы и интернет-ресурсы, однако, как правило, их контент находится в русле разработанной еще в СССР тенденции, в соответствии с которой функция местных СМИ – доносить до регионов необходимую центру информацию. Мы можем узнать, как проходил «Бессмертный полк» в каком-нибудь конкретном селе, или какой урожай зерновых, но вряд ли это знание способствует развитию региональной памяти. Проблемой оказывается в этом случае язык описания, который повторяет характерный для федеральной повестки язык, даже, если идет речь и праздновании основания города. Например, основание города почти всегда связано с каким-нибудь царским (императорским, советским) решением, город должен защищать границы страны или производить что-то для государства, а история региона в целом повторяет сложившуюся схему истории России.

В-третьих, централизация проявляется также в институтах трансляции исторической памяти, в том числе, в ее региональных аспектах. В каждом относительно крупном населенном пункте есть краеведческий музей (всего их в

России более 800). Первые подобные музеи возникли еще в конце XVIII в., к середине XIX в. их было 12, однако в первую пятилетку количество краеведческих музеев достигло 250 и это число продолжало расти. Несмотря на то, что работа музея была связана с развитием краеведческого движения, стандартизация его устройства и контроль за его контентом predetermined, что организация музея, алгоритмы наполнения контента приблизительно одинаковы во всех российских музеях. Отдел о регионе в годы Великой Отечественной войны, скорее всего, будет превосходить экспозицию, связанную с региональными событиями (если такая вообще присутствует), а информация о том, какие животные обитают на территории региона вряд ли способствует формированию локальной идентичности. После посещения нескольких краеведческих музеев может возникнуть впечатление, что посетитель находился все время в одном и том же музее. Подобные замечания стоит отнести и к другим институтам трансляции исторической памяти. Несмотря на то, что отделы краеведения есть во всех центральных библиотеках, доступность этих фондов вызывает много вопросов у экспертов [12]. Похожая ситуация оказывается с преподаванием краеведческих курсов, установкой памятников, региональными «Книгами памяти» и так далее. Федеральная модель оказывается слишком доминирующей, чтобы оказалось возможным говорить об оригинальной региональной составляющей.

Следствием этой централизации оказывается отсутствие социального запроса на региональный контент о прошлом. Мемориальная тематика занимает периферийные с точки зрения ее медийной востребованности позиции в региональных информационных каналах, также есть проблемы со спецификой презентации мемориальных объектов, которые существуют в регионах [см.: 18]. В этих условиях язык описания региональной памяти не может сформироваться, а использование конструкций федерального исторического нарратива только увеличивает централизацию.

Данная ситуация вызывает определенные опасения, потому что, как показывают исследования, наличие коммеморативных связей с местом своего

проживания повышает лояльность населения к территории, местной власти и государству вообще [21, р. 166]. Устойчивое развитие общества в будущем, таким образом, связано не только с изучением макросоциальных тенденций, имеющих глобалистскую природу, но и с пристальным интересом к локальным практикам конструирования социальных смыслов, идентичностей, коллективных воспоминаний, которые в новых условиях могут оказывать серьезное влияние и за пределами своего региона. Локальная память, по мнению исследователей, может выступать одним из способов борьбы с коллективной амнезией [22, р. 57, 74], поэтому важным представляется анализ взаимодействий и взаимовлияния локальной и федеральной памяти, исследование возможностей использования символического ресурса региональных образов прошлого. Поэтому необходимо перейти от рассмотрения отдельных локальных дискурсов к целостному концептуальному видению точек взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения различных уровней исторической идентичности. Такой аспект обеспечивает уход от одностороннего понимания пространства памяти как поля реализации государственных акторов, выявляя многоуровневость и многовекторность современных мемориальных практик и формирующих их политических акторов.

Далее мы коснемся отдельных направлений, которые могут способствовать развитию исследований локального прошлого. Мы исходим из того, что региональная идентичность является своеобразным выражением отношения человека к земле, где он был рожден или проживает в настоящий момент [5, с. 339]. Поэтому мы считаем важным, прежде всего, поменять оптику исследования локальной истории, отказавшись от установок условного «краеведения», с позиции которого регион предстает одним из «краев» государства. Детерминированности федеральных стратегий политики памяти мы предлагаем противопоставить множественность событий локальной истории. Мы не считаем, что подобное изменение может нести риски сепаратизма, наоборот, исследование и знание регионального прошлого

позволяет снизить вероятность манипуляций с ним. Развитие институтов региональной памяти поможет использовать ресурсы *контр-памяти* (по М. Фуко) для формирования локальной идентичности и социальной сплоченности. Если модель федерального исторического нарратива построена как «память победителей», то региональная модель может способствовать органичному включению памяти «других» – раскулаченных, репрессированных, представителей различных этнических и социальных групп. Таким образом, вместо несущей конфликтогенный потенциал контр-памяти приходит *мозаичность* исторических представлений различных групп.

Важным в этом контексте представляется понятие «наследие», которые позволяет органично включать в формируемые образы прошлого современный, советский, имперский опыт территорий. «Для повседневных практик памятования регионального уровня важно, чтобы охраняемые памятники являлись не только объектами культурного наследия (что в первую очередь выражается в их официальной атрибуции и официальной охране силами государства), но и выступали средоточием настоящей, идущей от самого общества мемориализации, выступали объектами живой культурной памяти местных сообществ» [6, с. 84]. Речь может идти о создании «мест памяти» в терминологии П. Нора [8, с. 40] как символических, материальных, функциональных объектов, воплощающих значимое событие, явление региональной памяти. Это зачастую происходит в рамках развития регионального туризма и брендинга отдельных территорий. В отличие от краеведческих программ, в которых подчеркивается, что регион сделал для центра, брендинг показывает уникальные особенности какого-либо места. Важным, учитывая развитие так называемой «индустрии памяти» [3, с. 156], является то, что региональный туризм обычно имеет свой бюджет, освоение которого может способствовать не только притоку туристов, но и акцентированию индивидуальных черт города, области и так далее. В частности, на туристических магнитах или открытках изображают характерные архитектурные объекты, памятники, связанные с историей города, или какие-

либо объекты, которые вызывают ассоциации с местом («тамбовский волк», дворы-колодцы Санкт-Петербурга, мыши Мышкина). Также необходимо использовать разнообразные ресурсы для повышения узнаваемости визуальных образов, связанных со спецификой какого-либо региона – например, мордовский орнамент, свердловский конструктивизм. Более важным для развития локальной идентичности мы считаем не столько характерные для краеведческой традиции рассказы об известных людях, жизнь которых была связана с этим местом (например, «Омск Достоевского»), сколько местные легенды и притчи, вне зависимости от того, насколько они имеют отношение к историческим фактам. Обычно активисты, интересующиеся историей города и региона, проводят оригинальные авторские экскурсии, занимаются сохранением и восстановлением объектов культурного наследия [15], однако контакты активистов и региональной администрации, а следовательно, включение соответствующего контента в региональные стратегии политики памяти, обычно довольно затруднены.

Также необходимо использовать ресурсы семейной памяти. О ее возрастающем влиянии говорит популярность акции «Бессмертный полк» и рост влияния партикулярных версий исторической памяти; семейную память можно оценивать в качестве проявления транснациональной, межпоколенческой динамики исторической памяти, что показывают различные исследования [9; 10; 11; 20]. Несмотря на то, что Великая Отечественная война часто продолжает оставаться центральным событием семейной истории [7, с. 65], исторические события, которые часто оказываются в центре федерального исторического нарратива, для семейной истории выступают фоном. Таким образом, ценностные акценты переставляются и строительство, например, завода в регионе может быть более значимым для семейной памяти, чем новый руководитель государства.

Поэтому региональная память становится источником новых образов, смыслов, противостоящих обычно, политическим образам, предлагаемым общегосударственной стратегией. Уход от политической повестки не

предполагает конфликт с общероссийскими образами исторической памяти, а дополняет их за счет обращения к человеку, социальной, культурной проблематике. Также развитие локальной идентичности за счет коммеморативной тематики позволяет переключить внимание жителей от проблем, характерных для конкретного региона (экологических, экономических и так далее) и способствовать таким образом повышению привлекательности региона как для его жителей, так и туристов и мигрантов.

Мы считаем, что развитие локальной памяти необходимо также в условиях увеличения миграционных потоков, в том числе из регионов (стран), жители которых оказываются носителем конфликтующих с принимающим сообществом образов памяти. Локальная идентичность позволяет не только ощущать принадлежность к своему сообществу, но и толерантно относиться к носителям другой культуры. Чем более разными мы можем быть, оставаясь россиянами, тем лучше мы будем понимать себя и других.

Список литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. М., СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
3. Визгалов Д. Продается город. Срочно. Торг // Вопросы местного самоуправления. 2007. № 6. С. 155-157.
4. Головашина О.В. «Как и по всей стране...»: региональный нарратив о Гражданской войне в современных учебниках // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. Вып. 3 / Под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Нестор-История, 2020. С. 65-80.
5. Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.

6. Гун Г.Е. Культурное наследие и культурная память: региональные срезы // *Культура и цивилизация*. 2018. Т. 8. № 4А. С. 81-87.
7. Линченко А.А. «Мы сами – время»: динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти // *Tempus et Memoria*. 2020. Т. 1. № 1-2. С. 53-67.
8. Нора П. *Франция-память*, СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 333 с.
9. Свершённое продолжается: психология автобиографической памяти личности = *Past Continuous: The Psychology of Autobiographical Memory*. М.: Изд-во УРАО, 2000. 315, [1] с.
10. Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В. Что остается в семейной памяти: память о советском сквозь разговор трех поколений // *Социологические исследования*. 2017. № 11. С. 147-156.
11. Печурина А. В. Увидеть необычное в обычном: исследования семейной фотографии // *Социологический журнал*. 2010. № 2. С. 92-97.
12. Руководство по краеведческой деятельности центральной библиотеки субъекта РФ (области, края) [Электронный ресурс] // Российская библиотечная ассоциация [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/34VMc4G> (дата обращения: 18.01.2022).
13. Тамицкая Е.Н. Дрейф дискурсов региональной политики памяти в постсоветской России (на примере Архангельской области) // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2020. № 1. С. 41-45.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс] // Гарант.ру. Информационно-правовой портал [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3qHkGjN> (дата обращения: 18.01.2022).
15. Фестиваль восстановления исторической среды [Электронный ресурс] // Том Сойер Фест [сайт]. 2017. URL: <http://tsfest.ru> (дата обращения: 18.01.2022).

16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
17. Хомякова И.В. Стратегии регионального дизайна // Регионоведение. 2010. № 1. С. 258-266.
18. Шуб М.Л. Специфика презентации мемориального контента в пространстве региональных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2 (40). С. 143-148.
19. Юркова М.В. Арктический аспект формирования региональной идентичности жителей Архангельской области // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 163-171.
20. Hirsch M. *Family frames: Photography, narrative, and postmemory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 320 p.
21. Nientied P. Hybrid Urban Identity – The Case of Rotterdam // *Current Urban Studies*. 2018. Vol. 6. No 1. P. 152-173.
22. *The new earth reader: the best of Terra Nova* / Ed. D. Rothenberg, M. Ulvaeus. Cambridge-London, 1999. 238 p.

Сведение об авторе:

Головашина Оксана Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Information about the author:

Golovashina Oksana Vladimirovna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: ovgolovashina@mail.ru.